

Было темно, падал снег. Где-то высоко горел фонарь. Ей было очень холодно и страшно. То, что лежало перед ней, пугало ее. То, что надвигалось на нее из темноты, пугало еще больше. Это чудовище, черное, огромное, у него есть руки и ноги, но нет лица. Оно сделало что-то с ее мамой, а теперь приближается к ней. Мамы больше не было, то, что осталось от нее, не могло защитить. Наверное, чудовище сейчас съест ее, как волк – Красную Шапочку. Убежать нельзя, у нее как будто не стало ног. Только где-то внутри что-то тряслось и плакало, но наружу не вырывалось ни звука.

Большие детские глаза, широко раскрытые, остановившиеся от ужаса, не могли оторваться от надвигающейся черной туши чудовища. Вот оно подошло, перевернуло то, что раньше было мамой, припало к нему, хрипло зарычало и страшно затряслось. Наверное, оно ело маму, ело и повторяло какое-то непонятное слово...

Наконец чудовище оторвалось от мамы и потянулось к ней. В черной руке было что-то длинное, тоже черное. Она хотела закрыть глаза,

но не получилось. Она продолжала видеть эти страшные черные руки.

Маленькая белая молния вдруг метнулась к чудовищу и впиалась в него. Чудовище вздыбилось, пронзительно завизжало. Оно прыгало, кружилось и махало руками, как будто плясало страшный танец. Черные капли падали на белый снег, на маму, на нее. Снежинки кружились в свете фонаря, как будто тоже плясали в белом хороводе...

Ингу Константиновну Гусеву студенты биологического факультета, которым она преподавала цитологию, за глаза называли Кингой Конговной. Вовсе не потому, что она была похожа на страшную голливудскую гориллу. Просто из вечного антагонизма студентов и преподавателя, из желания самоутвердиться и оттого, что считали Ингу Константиновну особой довольно вредной.

Что касается внешности, то знатоки, которые встречаются в каждой студенческой группе, как раз считали, что Кинга «ничего себе». Не красавица, конечно, но по-модному тонкая-звонкая, длинноногая, а личиком напоминает японку — черноглазая, с чуть раскосыми глазами, с маленьким аккуратным носом и пухлыми яркими губами. Правда, не смуглая, а светлокожая, но все равно похожа. Вполне себе миленькая, даже пикантная...

Словом, кличка «Кинга Конговна» была незлобивой, скорее созвучной имени: Инга — Кинга, прикольно, ха, ха, ха!

Другое дело, считали студенты, что при такой симпатичной внешности Инга Константиновна могла бы быть и характером помягче. Сама же только-только со студенческой скамьи, не должна бы еще забыть, как невкусно порою грызть гранит науки. Уж могла бы посочувствовать, простить прогул, невыученную тему, просто поставить зачет, да и все! В конце концов, кому она нужна, эта цитология, никто не собирается посвящать ей жизнь и научную карьеру!

С ней пробовали договориться, убедить, разжалобить, даже подкупить. Пытались флиртовать и ухаживать. Хотели даже спровоцировать на скандал, чтобы потом пожаловаться в деканат — пусть приструнят грубиянку преподавательницу. Все оказалось бесполезно. Инга была непрошибаема — никакие доводы на нее не действовали, в больных родственников, требующих круглосуточного ухода, она не верила, на провокации не велась, тонкие намеки на приличные вознаграждения игнорировала. Словом, вела себя «не по-человечески». А раз так, то и пусть ходит Кингой Конговной...

Сама Инга знала о своем прозвище — такие вещи всегда становятся известными. Она-то как раз была уверена, что прозвище связано с ее внешностью, и воспринимала его очень болезненно.

Инга считала себя некрасивой. Это тянулось с детства, с бабушкиных слов, которые та, гуляя однажды с маленькой Ингой во дворе, сказала соседке:

— Надо же, Ника такая красавица, а дочку родила неудачную. Гляньте, вся в отца! Мордовка!

Инга долго считала, что «мордовка» — это ругательное слово. Лишь пойдя в школу, она узнала, что есть такой народ — мордва. Бабушка Софья Андреевна считала, что Ингин отец принадлежал именно к нему. Отец был родом из Иркутска, в Мордовии никогда не бывал, но бабушка так считала — и точка!

Инга и вправду была очень похожа на отца, а еще больше на его сестру Александру, свою тетку. И совершенно не походила на мать.

Мама была светловолосой, голубоглазой, очень красивой. Очень... Было много ее фотографий — дома, на улице, в парке, на пляже. Фотографии очень красивые, яркие, глянцевые. Мама везде смеялась, сверкая белыми зубами, а ее длинные светлые волосы развевались на ветру.

Фотографий отца было совсем мало. Свадебные, пара с лыжных прогулок и несколько с маленькой Ингой в обнимку. Но почему-то Инга очень хорошо помнила папу и совсем плохо маму. Она не помнила ни голоса, ни запаха мамы, ни движений, ни мимики, ни взглядов, ни песен, ни сказок. Только фотографии, плоские картинки...

Папа в ее памяти жил, был теплым и любимым. Она помнила, как они играли, смотрели вместе мультики и читали книжки. Помнила маленькую собачку Ньюшу, которую однажды он ей подарил.

Папа очень боялся, что маленькая Инга может как-нибудь потеряться на улице, и учил ее:

— Ты помнишь, что нужно говорить, если потеряешься? Помнишь, как тебя зовут? Инга Гусева. Ин-га Гу-се-ва! Повтори!

— Игу-у-ся! — старательно повторяла Инга.

Отец хохотал, хватал ее и подбрасывал к потолку.

— Гусенок ты! Гу-се-нок!

Инга летала, визжа от восторга, с вытаращенными глазами и вставшими дыбом волосами. Нюша скакала рядом и громко лаяла. Тетка Александра, которую все звали Алей, умоляла:

— Костя, осторожнее, Костя, не урони!

Но Инга-то знала — папа никогда ее не уронит!

Потом получилось так, что потерялась не Инга, а все остальные, кроме Али. Инга не помнила и не понимала, как это случилось, но и папа, и мама, и бабушка Софья Андреевна, и даже маленькая, звонкоголосая Нюша куда-то исчезли, а они с Алей остались одни.

Поначалу на все вопросы Инги Аля отвечала, что папа и мама уехали в научную экспедицию и взяли с собой Нюшу. Уехали далеко, на Дальний Восток, и вернутся не скоро. Там, в экспедиции, они работают, изучают зверей — тигров, медведей, их жизнь и повадки, а Нюша им помогает, как собака-следопыт.

Аля показывала Инге красивые открытки, которые присылали родители. В них было написано, чтобы Инга хорошо кушала и хорошо себя вела, слушалась Алю. Инга старалась и кушать, и слушаться.

Куда делась бабушка, тоже было непонятно. Инга не очень скучала по ней — помнила, что та называла ее неудачной «мордовкой», — но все же спрашивала: куда она делась? Аля объясняла, что бабушка просто очень занята на работе.

Из Академгородка, где Инга жила с папой и мамой, они с Алей почему-то переехали в город, в район новостроек, так из жизни Инги исчезли и ее подружки, с которыми она играла в песочнице под грибком. Зато на новом месте у нее появился новый друг — Боб Нечитайло.

В детском саду Ингу поставили в пару с плотным, круглоголовым, щекастым и рыжим мальчиком. Он сказал ей:

— Меня зовут Роберт, сокращенно Боб. Это по-американски.

Про страну Америку Инга слышала раньше от папы, поэтому она спросила:

— Ты, что ли, американский?

— Нет, — коротко ответил Боб. — Я тутний.

Он вообще был немногословным, говорил всегда коротко и односложно. Но Инга его поняла, чего там не понять? Тутний — значит, живет тут, а не в Америке...

Оказалось, что Боб живет в соседнем доме, и скоро Аля, Ингина тетка, познакомилась с его матерью, Ангелиной Игоревной Барабашиной. Женщины быстро подружились, несмотря на то что Ангелиша была лет на десять старше Али. Инге и Бобу пришлось тоже дружить, поневоле...

Боб был врединой. Он ломал ее игрушки, таскал у нее конфеты, мог толкнуть, даже стукнуть.

Инге пришлось научиться давать сдачи. И вообще, Боб вносил много сумятицы в ее жизнь.

Однажды, за обедом в детском саду, Боб подцепил на вилку кусок курятины и, сурово глядя на Ингу, сказал:

— Это был цыпленок. Представляешь, как его мама плакала, когда его вели на расстрел?

Инга горько зарыдала и отпихнула от себя тарелку. Детсадовские воспитательницы и Аля потом долго мучились с ней — она категорически отказывалась есть мясо. Сам же Боб, видимо, весьма философски относился к бренности жизни. Он спокойно умял сначала свою порцию курятины, а потом и Ингину...

Еще Боб был ябедой. Однажды по дороге из детского сада он пожаловался Ангелише:

— Мама, а Инга сегодня укусила меня за печень!

У Боба были какие-то неполадки с печенью. Ангелиша вечно таскала его по больницам. У Боба брали анализы, заставляли его глотать зонд, просвечивали ультразвуком. Так что Боб знал, где у него расположена печень, и относился к ней трепетно.

— Я хотела яблоко откусить! — оправдывалась Инга. — Он его за спину спрятал, а я уже куснула! Я за кофту только!

Ангелиша и Аля захохотали, Боб обиженно надулся. Отсмеявшись, Ангелиша сказала:

— Ничего, мой мальчик, не ты первый. Прометей тоже кусали за печень. В следующий раз бу-

дешь яблоком делиться, а не жадничать. И ябедничать тоже некрасиво.

Про Прометея Инга не поняла, но Ангелише явно не понравилось, что Боб жадина и ябеда. Ангелиша вообще была очень справедливой, и исключений для любимого сыночка Боба делать не собиралась...

В детстве Инга очень любила рисовать Ангелишу. Это было очень просто. Вытянутый огурчиком овал — лицо, короткая тонкая черточка — рот, очки двумя кругляшками, а вокруг несколько спиралек оранжевым карандашом — это кудри.

Ангелиша, разглядывая свои «портреты», вздыхала и хвалила Ингу:

— Молодец! Очень реалистично...

Только подрастая, Инга начала понимать: Ангелиша некрасива. Очень некрасива, почти карикатурно... Худая, сутулая, с вечными очками на остром хрящеватом носу, с редкими рыжеватыми кудельками, которые невозможно уложить ни в какую прическу.

Но у Ангелиши был замечательный характер — легкий, неунывающий, ироничный. Стоило узнать ее поближе, и внешность уходила на дальний план. Работала она заведующей районной библиотекой, и это была не просто работа, а призвание...

Ангелиша была страстным, самозабвенным, запойным книголюбом, книгоголиком. «Книгоглотом», как она сама говорила. Читать... жить не только свою жизнь, но и десятки, сотни, даже тысячи других жизней, видеть, пусть и не своими

глазами, разные места, страны, миры... Сколько чудес, тайн, приключений! Это было ее счастьем. А работать в библиотеке — значит делиться этим счастьем. И Ангелиша делилась, заражала своей любовью других...

У нее был постоянный круг читателей, таких же «книгоглотов», как она сама. Она доставала новинки, устраивала выставки, читательские конференции, тематические вечера, даже встречи с авторами. Ее библиотека никогда не пустовала, здесь кипела жизнь, было интересно...

Как раз от одного из своих читателей, скромного бухгалтера Викентия Даниловича Нечитайло, любителя исторических романов, Ангелиша и родила Боба. Инга слышала однажды, как она со смехом рассказывала об этом Але. По ее словам, сначала состоялось «принуждение к сожительству», а потом, когда внутриутробное существование Боба уже не вызывало сомнений, и «принуждение к браку». Фамилию Ангелиша оставила свою.

— Согласись, работать в библиотеке и носить фамилию Нечитайло как-то неловко! — смеялась она.

На вопрос Али, почему они с Бобом не живут вместе с законным мужем и отцом, Ангелиша отвечала:

— Понимаешь, Вика очень хороший человек, но он одиночка по природе. Ему трудно с кем-то рядом. Зачем ему жизнь портить? Мы встречаемся, иногда даже спим, он деньгами помогает и вообще... Боб знает, что у него есть отец, они обща-

ются... Так что все нормально, а жить вместе... Может быть, в старости, когда обоим помощь будет нужна, съедемся, а пока пусть Вика живет как хочет. Я ему так благодарна за Боба...

Когда Инга с Бобом достигли школьного возраста, Ангелиша и Аля записали их в один класс и даже упростили учительницу посадить за одну парту. Их, конечно, сразу стали дразнить женихом и невестой. Ингу это обижало, а Бобу было наплевать. Он рос человеком независимым и самоуверенным, и чужое мнение его не волновало.

С возрастом Боб сделался более словоохотливым, но менее вредным не стал. Теперь он был яростным спорщиком, и по любому поводу у него было свое мнение, почему-то всегда противоположное Ингиному. Все их разговоры, даже о самых пустяковых предметах, заканчивались рефреном: «Инга, ты — дура!»

Инга безропотно терпела обиды, пока не посмотрела мультфильм про Губку Боба. После этого на каждую «дуру» она стала отвечать: «А ты — Квадратные Штаны!»

Боба эта дразнилка страшно злила. Ему не нравилось, что его сравнивают с героем совершенно тупого, как он считал, мультика. А еще Боб был уверен, что Инга таким образом намекает на недостатки его фигуры, а это с ее стороны подло и неделикатно.

Никаких особых недостатков в Бобовой фигуре Инга не видела. Плотный, коренастый — ну и что, нормально. Но разубеждать Боба не спешит

ла — пусть немного покомплексует, а то больно уж он самоуверенный...

Если не считать постоянных перепалок, Инга и Боб жили дружно. Они были неотъемлемой частью друг друга, как брат и сестра, а братьев и сестер ведь не выбирают, с их недостатками просто мирятся...

У Боба были и положительные качества. Во-первых, он никому не позволял обижать Ингу. Сам обижал, да, но другим не давал, даже дрался иногда за нее. Во-вторых, он был очень умный, это Инга признавала, а значит, все-таки имел право обзывать ее душой.

Это именно Боб подсказал Инге, что с ее родителями что-то не так. Они тогда учились в пятом классе. Боб сказал, что никакие экспедиции, даже самые научные-пренаучные, даже на самом-самом Дальнем Востоке, не могут длиться так долго. Он заставил Ингу откопать пачку открыток, полученных якобы от папы и мамы, и обнаружил, что на них нет почтового штампа. Сама Инга не обратила на это никакого внимания. Затем Боб потребовал образец почерка Али. Он вот так умно и выразился: «образец почерка»! Боб любил детективы, читал их не переставая и черпал из них разные полезные знания. Добытый «образец» он сравнил с текстом на открытках. Стало ясно: открытки написаны Алей...

Припертая к стенке, Аля призналась: да, она обманывала Ингу, не могла рассказать ей страшную правду — ее папа и мама погибли, разбились в